

appraisal and allows to conclude its communicative roles, communicative tactics and strategies of communication typical for argumentation in textual activity of social and political journalist, and also on his mental and psychological peculiarities, author's individual demonstrations of concept sphere, thematic preferences, scale and character of world's knowledge and belonging of this language personality to informants of empiric substyle of cognitive style.

Keywords: media discourse, language personality, syncretic type of informational and media language personality, textual activity, blog, idiostyle, methods of argumentation.

© Н. А. Бородина

ЕГУ им. И. А. Бунина, г. Елец

Использование фитоморфной метафоры для репрезентации концепта «Воображение» в семантическом пространстве русского языка

В настоящее время в рамках когнитивной лингвистики активно разрабатывается теория концептуальной метафоры. В исследованиях, выполненных в русле этого лингвистического направления, метафора предстает как инструмент категоризации и концептуализации знаний об окружающей действительности.

В русской языковой картине мира концепты внутреннего мира человека (душа, эмоциональная сфера, мыслительная деятельность) часто репродуцируются метафорически. В данной статье сферой-донором метафорической экспансии выступает флора, растительный мир, а сферой-мишенью — воображение как процесс создания и оперирования мыслительными образами, представлениями, картинками. Анализ фактического языкового материала, собранного автором, свидетельствует о том, что основаниями для метафорического переноса служат жизненные формы растений (деревья, кустарники, цветущие растения), их вегетативные и генеративные органы (корень, листва, цветок, плод, семя), этапы онтогенеза (прорастание, рост, цветение, созревание, плодоношение, увядание), природные и окультуренные человеком места произрастания (пустыня, лес, поле, нива, сад), процессы выращивания растений (посев, разведение, уход), украшения из цветов и листьев (венки, гирлянда). Выделенные признаки позволили автору утверждать, что фитоморфная метафора является одним из важных средств репрезентации концепта «воображение» в семантическом пространстве русского языка.

Ключевые слова: концепт «Воображение», концептуальная метафора, фитоморфная метафора, метафорическая модель, когнитивный признак, семантическое пространство русского языка.

На протяжении столетий феномен метафоры притягивает внимание разных ученых: философов и логиков, семиотиков и психологов, литературоведов и языковедов; в центре многочисленных исследований находятся ее природа, образование, функции, типы.

В конце XX — начале XXI вв. в связи с появлением и развитием когнитивной лингвистики распространение получает теория когнитивной метафоры, основные положения которой изложены в трудах Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, М. Джонсона, Ю. Н. Караулова, Дж. Лакоффа, Г. Н. Склярёвской, В. Н. Телии, А. П. Чудинова и др. Метафора начинает рассматриваться как ментальная операция, как способ познания окружающей действительности, как средство репрезентации знания в языковой форме; в ней стали видеть «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [1].

Метафоризации прежде всего подвергаются сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства, соотносящиеся с более простыми или с конкретно наблюдаемыми [2]. Воображение — одна из составляющих внутреннего мира человека — часто описывается на языке образных соответствий. В своей работе мы подробно остановимся на фитоморфной метафоре, которая может использоваться для репрезентации процессов создания и оперирования мысленными образами, представлениями, картинками.

Мир растений издавна приковывал внимание людей, являлся объектом мифологизации и символизации. Достаточно вспомнить универсальный образ Мирового древа, крона которого «достигает небес, корни — преисподней, а ствол и ветви организуют земное пространство» [3], образ, который воплощает в себе концепцию мироздания, служит «мифопоэтической проекцией вселенной» [4]. В легендах и мифах разных народов, в том числе и славян, растения предстают как живые существа. «Следуя внушениям метафорического языка и тесно связанных с ним первобытных воззрений на мать-природу, древний человек почти не знал неодушевленных предметов; всюду находил он и разум, и чувство, и волю. В шуме лесов, в шелесте листьев ему слышались те загадочные разговоры, которые ведут между собой деревья; в треске сломленной ветки, в скрипе расколотого дерева он узнавал болезненные стоны, в увядании — иссушающее горе и так далее», — писал выдающийся русский филолог, фольклорист, этнограф А. Н. Афанасьев в своем исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» [5]. Анимизм растительного мира привел к тому, что вегетативный код активно используется при описании и номинации человека, его

внешности, этапов жизни, духовного мира, эмоциональной сферы, мыслительной деятельности.

Проанализировав фактический материал, отобранный с помощью информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка» [6] из художественных текстов конца XVIII — начала XXI вв., мы выявили, что источниками метафорической концептуализации воображения и его результатов служат наименования растений, их органы, этапы развития, места произрастания, растениеводство, украшения из цветов и листьев. Остановимся на каждой сфере-доноре подробнее.

1. Метафорическому переосмыслению подвергаются жизненные формы растений. В семантическом пространстве русского языка воображение может представлять то в виде дерева или куста: *Но из них, как из прошлогодней листвы, гниющих корней и упавших растений, должно было вырасти причудливое древо моего воображения* (Хазанов Б. Далекое зрелище лесов); *Сколько раз такая мечта засыхала подобно кусту, выросшему на берегу бурного Соленого моря!* (Пришвин М. Серая сова); то в виде конкретного вида растения: *Я очарую тебя светлой сказкой, яркими мечтами обовью я тебя, как розами, моя царица!* (Андреев Л. Жизнь Человека); *Но в данный момент — это тоже один из результатов голодания — моя голова превратилась в волшебную клумбу, способную временами расцвести пышнейшими орхидеями жгучей фантазии, граничащей с галлюцинациями, и тут же быстро осыпаться, превращая все окружающее в черную яму...* (Хейдок А. На путях извилистых). На наш взгляд, выбор царицы цветов розы и экзотического цветка орхидеи в качестве основания метафорического переноса не случаен, он акцентирует яркость, необычность создаваемых мысленных образов.

В ряде примеров актуализируются отдельные признаки растений. Например, указывается способ произрастания: *Под конец игры из глаз скрипача вышли слезы, — он истомился жить, и, главное, он прожил себя не по музыке, он не нашел своей ранней гибели под стеной несокрушимого врага, а стоит теперь живым и старым бедняком на безлюдном дворе жакта, с изможденным умом, в котором низко стелется последнее воображение о героическом мире* (Платонов А. Счастливая Москва); издаваемый запах: *Он любил Калерию, любил совсем не так, как вдалеке, в плотском томлении,*

с *одуряющими фантазиями* (Лихоносов В. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж). Результаты деятельности воображения могут оцениваться негативно, в этом случае используется метафора «воображение — сорная трава»:

Ему казалось, что вся поэзия его, пользовавшаяся таким успехом среди друзей, не что иное, как плод ядовитых грез, порождение яда (Вагинов К. Козлиная песнь); *Таким образом действуя, они не только не искоренили вредных иллюзий, но положительно, можно сказать, развивали и поддерживали их* (Успенский Г. Крестьянин и крестьянский труд).

2. Для метафорического описания воображения и его результатов активно используются знания по морфологии растения, его строения из вегетативных (корень, стебель, лист) и генеративных органов (семя, плод).

С помощью корня растение укрепляется в субстрате, из которого оно получает воду и питательные вещества. Лишение мечты, фантазии их корня, основы ведет к уничтожению, исчезновению. Например:

Легко загорался необычной идеей, не боялся парадоксальных решений и не любил категорических запретов, подсекающих в корне всякую фантазию (Крон А. Капитан дальнего плавания); *Вырвать из сердца с корнем любимую мечту, которую я выхолила, вялнчила, как родное дитище?* (Авенариус В. Бродящие силы. Поветрие).

Влияние окружающей действительности на воображение человека подчеркивается метафорическим переосмыслением лексемы *лист* в следующем высказывании: *Возвращалось проклятое, петербургское настроение, и все мои мечты свернулись и сжались, как листья от жара* (Чехов А. Рассказ неизвестного человека). Подобно листе, чутко реагирующей на изменение природных условий, мечты меняют свой внешний облик: свертываются и сжимаются.

Источником метафорической экспансии выступает и концепт «цветы»:

Они не знают, что именно здесь вырастают и распускаются лучшие цветы фантазии и закаляется воля к свободе и полноте бытия (Осоргин М. Свидетель истории); *Я уверен, что счастье людское не всегда есть плод ума, а более цвет воображения* (Нарезный В. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова).

С античных времен цветы, с одной стороны, символизируют красоту, райское состояние жизни, а с другой, передают идею временности и хрупкости [7].

Уподобляясь растению, воображение дает свои результаты — плоды:

*Но все это оказалось лишь **плодом моего незрелого воображения** (Катаев В. Юношеский роман); **Неизвестно откуда** взялась эта грустная мелодия и в самом ли деле она была посвящена челоускицам или это — **плод фантазии** чегемских девушек, но так они ее называли, и Тали играла ее лучше всех (Искандер Ф. Сандро из Чегема); **Правда, обещания** данные партийным миром товарищу и мадам Гололовой, были **плодом мечтаний**, а не результатом каких бы то ни было обязательств (Солоневич И. Две силы).*

В ряде случаев оно оказывается бесплодным. Отсутствие итога, невозможность воплотить в жизнь создаваемые мысленные образы, картины оценивается отрицательно в русской языковой картине мира:

*«Зачем же, — растроганно думал он, — утомляю я себя **бесплодными мечтами** о каком-то неведомом, возвышенном счастье, когда здесь, около меня, — простое, но глубокое счастье? (Куприн А. Молох); Он оглянулся, увидел свою полупустую келью, мгновенно пронеслось перед ним многое из прежней жизни — ряд таких же келий, одиночеств и **бесплодных мечтаний** (Зайцев Б. Голубая звезда); Лариса пыталась вообразить смятение арестованных и не могла, хотела представить себе окровавленный трюм — **фантазия оказывалась бесплодной** (Алдан-Семенов А. Красные и белые).*

Плод имеет определенные характеристики: вкусовые и качественные. Он может быть сладким (самый частотный признак) или горьким: *Эта песня даже отвлекла его от **сладких воображений** (Битов А. Жизнь в ветреную погоду); И вся предшествующая охоте ночь, полная **сладких мечтаний** и предчувствий, обрывается мгновенным утренним пробуждением (Проханов А. Господин Гексоген); Это были непривычные, а потому и особенно **сладкие мечты** (Васильев Б. Вещий Олег); Я заметил, что немцы вам по душе со своими мечтательными взглядами и своей **сладенькой фантазией** (Жадовская Ю. Переписка); Так начался для Возницына этот год любовного томления, буйных и **горьких мечтаний**, единиц и тайных слез (Куприн А. Леночка); **Лучше на текущую воду** положить и по волнам идти, как по мосту; лучше на воздух опереться, как на камень, — нежели изменнику вверить свой гордый гнев и **горькие мечты** (Андреев Л. Анагэма); оцениваться с точки зрения спелости: *То были чертоги сна, описанные Вергилием; то Мильтонов рай и ад Данте, смешанные, набросанные, как **незрелые мечты**, полурожденные думы (Бестужев-Марлинский А. Вадимов), с точки зрения испорченности: Не знаю, как и в голову вошла такая **гнилая фантазия** (Островский А. Бедность не порок). Как мы ви-**

дим, данные характеристики реализуются посредством согласования лексем — репрезентантов концепта «воображение» — с соответствующими адъективами.

Как средоточие генеративной силы, символ плодородия и изобилия, символ новой жизни воспринимается образ семени [8]. Через сопоставление воображения с семенем передается идея порождения, появления мысленных образов:

— Ну-ка, — продолжал Ээль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству — следствие всегдашней работы — было сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву **семена крупной мечты**), — ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно (Грин А. Алые паруса).

3. Рождение, развитие и исчезновение воображаемых образов, картин и представлений соотносятся с онтогенезом растительного организма. Мечты, грезы, фантазии и иллюзии проходят все этапы жизненного цикла растений. Их возникновение ассоциируется «с процессом произрастания семени, с появлением ростка на поверхности земли» [9]. Например:

*Жизнь снова заблестела перед Двановым — он напрягался телом, и мысль его **всходила фантазией** (Платонов А. Чевенгур); Этот талант предоставляет почву **произрастанию мечтаний**, но он как-никак является украшением любой впечатлительной девочки (Морозов А. Прежние слова).*

Следующий этап — фаза роста. Данная метафора обладает положительной динамикой, показывая переход из одного состояния в другое, более совершенное:

*Но если она заглушала даже всякий лукавый и лстыивый шепот сердца, то не могла совладеть с грезами воображения: часто перед глазами ее, против ее воли, становился и сиял образ этой другой любви; все обольстительнее, обольстительнее **росла мечта** роскошного счастья, не с Обломовым, не в ленивой дремоте, а на широкой арене всесторонней жизни, со всей ее глубиной, со всеми прелестями и скорбями — счастья с Штольцем ... (Гончаров И. Обломов); И только **растет и крепнет одна мечта**... (Чехов А. Три сестры).*

В приведенном ниже примере степень роста подчеркивается согласованием лексемы **фантазия** с адъективом **буйный** ('быстро растущий'):

*Думаю, нечто подобное испытал и Босх — иначе откуда такие **буйные фантазии** (Азаров Ю. Подозреваемый).*

Метафора цветения используется для обозначения поры расцвета, высшей степени развития творческих сил:

*Ее живое, **цветущее воображение** облекает все в какую-то неземную одежду (Загоскин М. Рославлев, или Русские в 1812 году); — Я читал еще его «Пирамиды», нежные произведения **цветущей фантазии**, которые дышат греческим*

духом и прекрасны, как утренняя роза (Карамзин Н. Письма русского путешественника); Мир путешественников, историков, поэтов перед взорами души зеленел, расцветал воображением, трепетал жизнью, кипел страстями, у меня занятыми (Бестужев-Марлинский А. Вадимов).

Мечтание присуще прежде всего молодому поколению, лицам, не достигшим зрелого возраста:

— *Юность цветет мечтаниями, великий князь, — начал он с благодушной улыбкой* (Васильев Б. Князь Святослав).

Метафоры созревания и плодоношения указывают на результаты работы воображения:

У всякого возникает своя мысль, возникают и зреют думы и мечты, воспоминания и образы (Помяловский Н. Молотов); *Нет более питательной почвы для воображения, чем бедность реальности: засеянная зернами книг пустошь дает тучный урожай воображения* (Иличевский А. Перс).

Как и предшествующие метафоры роста и цветения, они обладают положительной окраской.

Периоды, характеризующиеся динамикой, поступательным движением, сменяются этапом увядания и умирания. Признак 'увядания' реализуется предикатами *засохнуть, увянуть*:

— *Пока ее построишь, вся мечта уже засохнет* (Иванов А. Географ глобус пропил); *Но вся пылкость Дюма, все его фантазии увяли бы до унылой тяготины, услышь он то, что предстояло делать Алеши и мне* (Азольский А. Диверсант).

4. В семантическом пространстве русского языка воображение уподобляется и разнообразным растительным массивам, как природным, естественным, так и окультуренным человеком.

Это может быть пространство со скудной растительностью; как в пустыне, в нем редко возникают какие-либо образы, мысли, мечты и представления: *Мысль о смерти, о Страшном суде возникла в первый раз в его уме и озарила пустыню его воображения* (Греч Н. Черная женщина). Или, наоборот, быть занятым дремучими лесами, заповедными местами, куда не ступала нога человека:

Но вот и города исчезли в тумане, и деревня утонула в синем, неизглядном озере, и волки скрылись далеко-далеко в густые леса фантазии Ивана Самойлыча... (Салтыков-Щедрин М. Невинные рассказы. Запутанное дело); *Таков был и женевец, — но какая разница — он, бедный ученый, готовый переходить с края на край земного шара с небольшой котомкой, с портретом Паоли, с своими заповедными мечтами и с привычкой довольствоваться малым, с презрением к роскоши и с готовностью на труд, — что же в нем было схожего с назначением Володи и с его общественным положением?..* (Герцен А. Кто виноват?).

В данном случае основанием для метафорического переноса служит признак труднодоступности, неприкосновенности.

В народной культуре поле располагается на границе между «природным» и «освоенным» в семантической оппозиции «свой — чужой» [10]. В метафоре «воображение — поле» реализована идея бесконечности и безграничности:

*Что скрывалось за всем этим дальше — входило уже в область таинственно-го, представляя **широкое поле фантазии** (Альбов М. На точке).*

Для концептуализации воображения с помощью окультуренного человеком места произрастания используется метафора сада — символа возделанного сознания [11]. Например:

*Человек этот был погружен в созерцание; когда же очнулся он, спросили его с ласковой усмешкой: «Где же цветы из **сада мечты** твоей?» (Бунин И. Смерть пророка).*

Воображение предстает как объект, требующий особого внимания, в противном случае, вся творческая энергия может быть потеряна:

*Память прошлого, как репейник скверный, **заполнила ниву воображения** и конец убила силу творчества (Салтыков-Щедрин М. Глуповское распутство).*

5. Древнейшей сферой деятельности человека является земледелие. Для славянских племен было характерно «представление о высоком статусе земледельческого труда в сравнении с военными и даже магическими функциями высшей власти — князя» [12]. Метафорическое переосмысление получают глаголы **сеять**, **разводить** в сочетании с лексемами, номинирующими воображаемые образы. Они указывают на распространение последних:

*Хотят **посеять иллюзию**, что счастье доступно каждому... (Чаковский А. Блокада); Нет ключа к этой душе, где он видел так ясно! Где по желанию умел зажигать чувственность. Где он **сеял мечты** (Вербицкая А. Ключи счастья); Мечта-то грех, от мечты-то люди отрециваются; а ты, стыда на тебя нет, ночью в сад уходил — **мечты** свои **разводить** (Островский А., Соловьев Н. Дикарка).*

Представления, образы, картины, возникающие в голове человека, как мы уже отмечали выше, окружаются заботой и вниманием. Их питают, за ними ухаживают. Например:

*Эти повествования **питали фантазию** Каррачиолы и обогащали его опыт (Штильмарк Р. Наследник из Калькутты); Красоту женскую здесь **любят и ценят по-прежнему, но ее нет, и потому, когда она расцветает, как нечаянная роза среди опустошенного сада, ее берегут в сто глаз и за нею ухаживают, как за мечтой** (Амфитеатров А. Марья Лусьева за границей).*

6. Распускающиеся цветы издавна служат для украшения, поэтому не случайно возникает данная метафорическая проекция на воображение:

Мысль о золотом веке сродна всем народам и доказывает только, что люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения (Пушкин А. История села Горюхина); *Его тайны легли с ним в гроб; немногие цветки из венка его мечтаний отдаю я свету* (Бестужев-Марлинский А. Он был убит); *Если б вы увидали тогда его прелестное лицо, покоящееся под улыбкою неги, вы бы сказали, что сами видите гирлянду мечтаний, обвивающую беззаботное чело юноши* (Бестужев-Марлинский А. Мулла-Нур).

Мечты и грезы уподобляются украшению из цветов и листьев (венку или гирлянде), обвивающему их вместилище — голову.

Таким образом, в результате анализа эмпирического материала мы выяснили, что в семантическом пространстве русского языка воображение и его результаты часто описываются с помощью фитоморфной метафоры, предстают посредством сопоставления с растениями, их жизненными формами, органами, этапами развития, местами произрастания, земледельческими процессами, украшениями из цветов и листьев.

Примечания

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 371.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1997. С. 55.
3. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 253.
4. Там же. С. 61.
5. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. М.—СПб., 2008. С. 650.
6. Информационно-справочная система «Национальный корпус русского языка» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 02.06.2016).
7. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева и др. М., 2004. С. 515.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 616.
9. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв): дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. С. 263.
10. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 133.
11. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева и др. М., 2004. С. 436.
12. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 312.

Using of the phitomorfous metaphor in representation of the concept “Imagination” in semantic space of the Russian language

At present the theory of cognitive metaphor is worked up very actively in cognitive linguistics. In research made in the course of this linguistic direction the metaphor is determined as an instrument of categorization and conceptualization of knowledge about the surrounding reality.

In the Russian language world-Image the concepts of the person's inner life (soul, emotion sphere, mental activity) are represented metaphorically. In the article the spheredonor is the vegetable kingdom, flora, and the sphere-target is imagination as the process of creation and operation of the mental images, ideas, and pictures. The analysis of the language examples gathered by the author indicates that the bases for metaphorization can be vital forms of the plants (trees, bushes, flowers), their vegetative and generative organs (root, leaves, flower, fruit, seed), stages of ontogenesis (germination, growth, flowering, ripening, fruiting, withering), natural and cultivated growing places (desert, forest, field, cornfield, garden), process of growing (sowing, cultivation, care), flower decorations (garland). Chosen signs allow the author to affirm that the phitomorfous metaphor to be one of the important means of representation of the concept «imagination» in the semantic space of the Russian language.

Keywords: concept “Imagination”, conceptual metaphor, phitomorfous metaphor, metaphoric model, cognitive sign, semantic space of the Russian language.

© Э. В. Будаев

РГППУ, г. Екатеринбург,

А. П. Чудинов

УрГПУ, г. Екатеринбург

Риторическое направление в американской политической метафорологии второй половины XX в.¹

Теория концептуальной метафоры, изложенная американскими исследователями Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в книге «Metaphors We Live by», является основным компонентом современной методологии изучения политической метафоры. Не подлежит сомнению выдающийся вклад когнитивной лингвистики в политическую метафорологию, следует принимать во внимание, что еще одним из источников политической метафорологии послужила риторика. Более того, риторические исследования предвосхитили некоторые положения когнитивной теории метафоры. Идея об универсальных схемах метафорического осмысления политической реальности была предложена М. Осборном в теории архетипичных метафор в

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда: проект 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».